

Россия и Бранденбургско- Прусское государство в 1660-е гг.

(от Оливского мира
до Андрусовского перемирия)

DOI 10.31168/91674-483-5.36

Исследования последних десятилетий, в особенности работы Б.Н. Флори, вывели изучение внешней политики России XVII в. на новый уровень; проведенный в них систематический анализ внешнеполитической документации существенно расширил наши представления о курсе московской политики по отношению к основным ее контрагентам: Речи Посполитой, Швеции, Османской империи и Крыму. Этот скачок позволяет гораздо лучше понять историю отношений Московского царства с внешнеполитическими партнерами второго плана и вписать эти контакты, ранее представлявшие набором изолированных эпизодов, в динамику международного положения России и ее соседей.

Примером сказанного могут служить дипломатические отношения России с Бранденбургско-Прусским государством, одним из ведущих германских княжеств, все громче после окончания Тридцатилетней войны заявлявшим о себе в европейских международных отношениях. Бранденбургский курфюрст и одновременно герцог прусский Фридрих-Вильгельм Гогенцоллерн, заслуженно получивший впоследствии прозвище «великого курфюрста», принимал активное участие в польско-шведской войне 1655–1660 гг., будучи в разное время связан союзными обязательствами с Речью Посполитой и Швецией. Это обстоятельство ставило его в двусмысленное положение по отношению к России, воевавшей с обеими державами, и стимулировало частый обмен посольствами в эти годы. Необходимость добиться, чтобы враждебность царя к западным соседям не была распространена на владения курфюрста, была тем более настоятельной, что с лета 1655 г. русские войска находились в Вильне,

Ковне и Гродне, совсем недалеко от границ Пруссии. В 1656 г. был заключен русско-бранденбургский договор о дружбе и нейтралитете, по которому Фридрих-Вильгельм принимал на себя обязательство не оказывать никакой поддержки Польше, Швеции и любым другим государствам в случае их войны с Россией. К осени 1657 г. окончательно определилась ориентация курфюрста на Речь Посполитую. Согласно договорам в Велау и Быдгощи, взамен оборонительного союза с курфюрстом против Швеции польский король отказывался от прав сюзерена на герцогство Пруссия (уступка тем более легкая, что в герцогстве не было земельных владений польских магнатов и шляхты), которое становилось суверенным владением Гогенцоллернов; между государствами заключался «вечный» союз. На основании этих договоров Бранденбург принял участие в коалиционной войне против Швеции, в которой Польшу поддержали Австрия и Дания. 3 мая 1660 г. эта война завершилась подписанием Оливского мира, подтвердившего для курфюрста условия его соглашений с Речью Посполитой. Это стало поворотным моментом в теперь единственной продолжавшейся войне в Восточной Европе — русско-польской. Речь Посполитая получила возможность перебросить армию с шведского на русский фронт, что резко изменило соотношение сил и привело к переходу России к стратегической обороне.

В историографии русско-бранденбургских отношений середины XVII в. сложилась в чем-то парадоксальная ситуация. Если связи этих государств в 1650-е гг., в период русско-шведской и польско-шведской войн, были подробно описаны еще в конце XIX в. в работах историков, преимущественно немецких, принадлежавших к прусской «малогерманской школе» или испытывавших ее влияние, в то время как русская наука до последнего времени практически не уделяла этим сюжетам внимания, — то эпоха после Оливского мира, когда лишь на востоке продолжалась русско-польская война, не нашла своего дотошного исследователя в Германии¹; напротив, со стороны российской политики это время благодаря трудам Б.Н. Флори изучено уже весьма основательно. Отчасти это объясняется тем, что в противоположность 1650-м гг., когда политика курфюрста активно действовала на российском направлении, большую часть следующего десятилетия инициатива контакта постоянно оставалась на российской стороне, а планы отправления бранденбургских посольств несколько раз оказывались вообще нереализованными; это не способствовало, конечно, интересу немецких исследователей. Как показал Б.Н. Флоря, Бранденбург

¹ *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма бранденбургского (продолжение) // ЖМНП. Ч. 330. 1900 г. Июль. С. 22–58; *Hirsch F.* Einleitung // *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg.* Berlin, 1906. Bd. 19. S. 247–268.

рассматривался московским правительством как дружественное государство, и этим объясняется его выбор как возможного посредника на переговорах с Польшей. В то же время тесные союзнические отношения курфюрста с Польшей не позволяли ему с полной свободой контактировать с Россией². В настоящей статье мы рассмотрим все эпизоды русско-бранденбургского контакта 1660–1665 гг. (в 1666 г. они не зафиксированы), прослеживая изменение планов сторон по отношению друг к другу. Состояние источников, которые весьма фрагментарны с российской стороны, обусловило несколько большее внимание к эволюции бранденбургской политики.

Первая половина 1660 г. была отмечена походом армии кн. И.А. Хованского в западные районы Великого княжества Литовского, причем в планах царя было, усилив ее, направить удар в сторону Варшавы³. Как показал Б.Н. Флоря, успешные действия русских войск послужили одним из факторов, ускоривших заключение мира Речи Посполитой со Швецией⁴. Для курфюрста активизация военных столкновений вблизи границ Пруссии была явлением нежелательным. Помимо риска от отдельных потерявших дисциплину отрядов это стимулировало поток беженцев в его владения и создавало большие препятствия для торговли Пруссии с ВКЛ, что было одной из основных статей ее экономики.

Неудивительно, что посольству, направленному в Варшаву для ратификации Оливского мира, было поручено среди прочего и предложить посредничество курфюрста между Речью Посполитой и Россией⁵. Это предложение, очевидно, должно было служить не только обеспечению безопасности Прусского герцогства, но и демонстрации союзнической верности и добрых услуг курфюрста польскому двору, от которого послу И. фон Ховербеку предстояло добиваться важной уступки — передачи под власть Фридриха-Вильгельма, согласно мирному договору, важного западнопрусского центра Эльбинга (пол. Эльблонг).

Хотя предложения Ховербека были встречены с благодарностью, ему стало известно о нежелании части сенаторов соглашаться на участие Бранденбурга, а король Ян-Казимир высказал сомнения в успехе, отметив, что начавшиеся русско-польские переговоры уже оказались близки к разрыву. 7 июля посланнику было официально

² Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 90–91.

³ Курбатов О.А. «Литовский поход 1668 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке // Славяноведение. 2003. № 4. С. 31.

⁴ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 531.

⁵ Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Berlin, 1879. Bd. 9. S. 22, 30–31. (28 мая, 24 июня 1660 г.).

объявлено, что сенат согласен на посылку бранденбургского представителя к царю с призывом к заключению «справедливого» мира⁶. Фридрих-Вильгельм справедливо воспринял это как отказ от его посреднических услуг, но еще 30 июля оставался при намерении послать своего представителя к царю с призывом к миру, с тем чтобы дипломат попытался в ходе миссии взять на себя и посреднические функции, чтобы предотвратить появление в русско-польском договоре условий, противоречащих интересам протестантизма и самого курфюрста⁷. Отметим, что по условиям Велавского договора 1657 г. курфюрст должен был быть включен в будущий русско-польский мирный договор⁸; здесь мы видим его первую попытку принять участие в переговорах Москвы и Варшавы. Мотивом для этого, помимо декларируемой заботы о соблюдении интересов Бранденбурга в русско-польском мире, было, вероятно, и стремление зафиксировать новый статус суверенного владетеля Пруссии в этом международном акте, тем самым добавив и Россию к Австрии и Франции как гарантам своего Оливского соглашения с Польшей.

Отсутствие у польской стороны энтузиазма по поводу бранденбургского посредничества не должно удивлять. После заключения мира со Швецией в польско-литовских правящих кругах возобладало стремление военной силой добиться выгодных условий мира с Россией⁹. Подобный курс сохранялся и на протяжении последующих лет¹⁰. Между тем уже в ходе летних переговоров Ховербека произошли важные изменения на театре военных действий: 18 июня (ст. ст.) войска И.А. Хованского потерпели тяжелое поражение на Полонке от польско-литовской армии С. Чарнецкого и П. Сапеги¹¹, что только укрепило воинственные настроения. Еще более этому способствовала капитуляция армии В.Б. Шереметева под Чудновом в октябре, после которой Ховербек продолжал призывать к мирным переговорам. Характерно, что хотя в ответ король формально констатировал стремление к миру, образцом для него он видел Чудновские договор с Ю. Хмельницким и капитуляцию Шереметева, заключенные

⁶ Ibid. S. 31, 38.

⁷ Ibid. S. 50.

⁸ Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae, 1764. Vol. 4. P. 493.

⁹ *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 549; ср.: *Urkunden und Actenstücke...* Bd. 9. S. 31.

¹⁰ См.: *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 г. i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 130–131.

¹¹ Курбатов О. А. «Литовский поход»... С. 36–38; *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 567–568.

«в 24 часа в открытом поле» с разгромленным противником¹². По сообщениям Ховербека, при дворе господствовало мнение, что для Республики выгоднее продолжать войну с Россией, чем искать с ней мира; посланник констатировал, что после одержанных побед у поляков очень поднялся дух и самоуверенность¹³.

Императивом польской политики курфюрста было стремление не просто избежать вовлечения в русско-польскую войну, но и не скомпрометировать себя перед царем даже подозрениями на такую помощь. Между тем польская сторона прилагала определенные усилия, чтобы курфюрст принял в войне участие. По Велавскому договору курфюрст был обязан во всех войнах Речи Посполитой предоставлять ей вспомогательный корпус численностью 1500 человек¹⁴. Вопрос об этой «субсидии» постоянно поднимался на переговорах на протяжении 1660-х гг.; по утверждениям курфюрста, эти войска были готовы поступить в распоряжение польского командования при условии их использования не против царя, а только против восставших казаков¹⁵. В то же время Ян-Казимир предлагал Богуславу Радзивиллу, назначенному курфюрстом наместником Восточной Пруссии, встать во главе какого-то прусского контингента и командовать осадой Ковна¹⁶.

В течение второй половины 1660 г. стало ясно, что польско-бранденбургские отношения омрачены целым рядом трудноразрешимых противоречий, связанных как с нежеланием польского правительства уступать обещанные курфюрсту земли (помимо Эльбинга — староство Драхимское), так и с планами двора провести при поддержке Франции выборы нового короля при жизни Яна-Казимира, чему бранденбургская политика стремилась воспрепятствовать¹⁷. То обстоятельство, что польская сторона под всяческими предложениями не соглашалась на передачу Эльбинга, стало удобным предлогом для курфюрста отказать от отправки военной «субсидии»¹⁸. Среди встречных требований,

¹² Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 152 (23 ноября 1660 г.).

¹³ Ibid. Bd. 9. S. 171 (4 янв. 1661 г.), 182–183 (28 янв. 1661 г.).

¹⁴ *Kamiński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku: dzieje polityczne. Poznań, 2002. S. 27, 28–29, 53–59.

¹⁵ Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 38, 50, 54, 110, 151, 156, 159, 299 и др.

¹⁶ Ibid. Bd. 9. S. 110 (25 сентября 1660 г.).

¹⁷ *Kamiński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku... S. 30–71; *Pagès G.* Le grand électeur et Louis XIV. 1660–1688. Paris, 1905. P. 3, 41–44, 48–55; *Waddington A.* Le grand électeur Frédéric Guillaume de Brandebourg. Sa politique extérieure. Paris, 1908. T. 2. P. 78–83; *Gollub H.* Der Große Kurfürst und Polen von 1660 bis 1668. Berlin, 1914.

¹⁸ Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 165 (13 декабря 1660 г.), 267, 275 (май 1661 г.), 396, прим. (авг. 1663 г.).

выполнением которых польский двор обуславливал передачу Эльбинга, стало расторжение курфюрстом союза с Москвой, под которым подразумевался отказ от нейтралитета по русско-бранденбургскому договору 1656 г.¹⁹ К концу 1660 г. было совершенно ясно, что переговоры зашли в тупик. Ховербек сообщал о беспрецедентной враждебности к нему при дворе (декабрь 1660 г., январь 1661 г.); распускались слухи, что якобы курфюрст — смертельный враг Республики, состоящий в заговоре против нее с императором и московским царем. Курфюрст будто бы побуждает царя не мириться с Польшей и вести с ней войну (февраль–июнь 1661 г.)²⁰.

Предложение посредничества или иного воздействия на Россию было выдвинуто в условиях, когда военное положение складывалось не в пользу Речи Посполитой и служило прежде всего цели оказать республике добрые услуги и тем самым укрепить с ней соседские отношения. Это было необходимо курфюрсту для укрепления своей власти в Пруссии, получения территорий, обещанных Польшей, и обеспечения безопасности своих земель. Когда победы «счастливого года» укрепили позиции Речи Посполитой на востоке и побудили в ее правящих кругах большие надежды на скорое заключение выгодного мира с Россией, бранденбургское посредничество перестало выполнять эти столь важные для курфюрста функции. Улучшение положения республики позволило двору занять на переговорах с Бранденбургом более жесткую позицию и отложить проведение в жизнь условленных уступок курфюрсту.

Надо сказать, что после поражений 1660 г. русское правительство проявило определенную заинтересованность в бранденбургском посредничестве для заключения мира с Речью Посполитой. Подобные услуги курфюрст предлагал еще в 1657 г.; на его содействие в примирении с Польшей в Москве рассчитывали при подготовке второй Виленской комиссии 1658 г.²¹ И теперь среди различных дипломатических акций конца 1660 г., направленных на смягчение последствий от понесенных ударов, была подготовлена миссия к Фридриху-Вильгельму во главе с И.А. Желябужским²². Однако он столкнулся с трудностями в пути, а тем временем царю стало известно о приближении

¹⁹ Ibid. Bd. 9. S. 167 (декабрь 1660 г.), 205 (февраль 1661 г.).

²⁰ Ibid. Bd. 9. S. 166, 182, 202, 233, 248, 256.

²¹ Прудовский П.И. Развитие русско-пруских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. I: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Пруским государством 1649–1671 гг. М., 2013. С. 506, 509–510.

²² Подробнее см.: Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи... С. 608, 630–631, 633.

австрийских посредников (посольство А. Майерберга), и он был назначен сопровождать их к Москве в приставах²³. К этому времени русскому правительству стало известно от курляндского герцога о том, что курфюрст находится в своих рейнских владениях и, вероятно, не будет заинтересован посредничать²⁴, что, как мы видели, лишь отчасти соответствовало действительности. В сложившихся условиях логично было не распылять усилия, а сосредоточить их на разработке предпочтительного варианта — австрийского посредничества. Все же через Курляндию известие о желании царя видеть курфюрста посредником было ему передано, причем в качестве места возможных переговоров назывался Кёнигсберг; эта подробность заставляет думать, что за этим сообщением стоит действительная просьба русской стороны, возможно, исходившая от А.Л. Ордина-Нащокина²⁵.

В середине 1661 г. серьезно осложнилось внутреннее положение Речи Посполитой. Коронное и литовское войско отказали в повиновении властям и образовали конфедерации, требовавшие выплаты жалованья и удовлетворения в ряде других вопросов. Для обсуждения этих материй был созван внеочередной сейм, куда курфюрст направил И. фон Ховербека (инструкция от 20 февраля 1662 г.)²⁶. В это же время возникла возможность новых русско-польских переговоров. Польские комиссары, назначенные еще сеймом 1661 г. для переговоров с Россией, собрались в январе — феврале 1662 г. в Белоруссии, где ждали московских послов²⁷. На эти переговоры Фридрих-Вильгельм постановил отправить своего представителя, которым стал ноймаркский чиновник Вольфганг-Эразм фон Борнштедт, до этого в 1657 г. выполнявший дипломатическое поручение при С. Чарнецком²⁸.

Вопросы отношений с Россией в инструкциях Ховербеку и Борнштедту (27 февраля ст. ст.) решены практически идентично. Ховербеку предписывалось от имени курфюрста посоветовать заключить мир с Москвой, пока еще свежи выдающиеся успехи польского оружия, плоды которых в любой момент могут быть уничтожены поворотом военного счастья. При этом следовало добиваться, чтобы на переговорах были приняты во внимание интересы курфюрста и не появилось никаких условий, которые бы несли в

²³ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1660 г. № 2. Л. 112 (27 февраля ст. ст. 1661 г.).

²⁴ *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 633.

²⁵ *Urkunden und Actenstücke...* Bd. 9. S. 217. См.: *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина... С. 90.

²⁶ *Urkunden und Actenstücke...* Bd. 9. S. 310–316.

²⁷ *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 r. i jego geneza... S. 101–107, 112.

²⁸ *Pauli K.-F.* Allgemeine preussische staats-geschichte. Halle, 1764. Bd. 5. S. 86.

себе ущерб для него и для его вечного союза с Речью Посполитой. На основании Велавско-Быдгошского договора, по которому курфюрст как вечный союзник республики должен быть включен в русско-польский договор, представитель курфюрста должен быть по достоинству принят и допущен на переговоры. Принятие противоречащих интересам курфюрста и его договорам с Речью Посполитой условий будет для последней не только постыдно, но и вредно, поскольку в этом случае курфюрст будет свободен от своих встречных обязательств по отношению к Польско-Литовскому государству²⁹. Инструкция, как мы видим, выдержана в достаточно ультимативном тоне, который, конечно, Ховербеку предстояло дипломатично смягчить на переговорах, но который показывает раздражение Фридриха-Вильгельма от противодействия польских правящих кругов получению им положенных по договорам выгод. Это заставляет думать, что курфюрст держал в уме давление на Речь Посполитую угрозой своего сближения с Россией, которое стало бы возможным в случае появления на русско-польских переговорах Борнштедта. Тот должен был добиваться допуска на переговоры у польских и российских комиссаров; следить за соблюдением интересов курфюрста и информировать того о всем происходящем на переговорах³⁰. Однако миссия его не состоялась, как и сам русско-польский съезд. О разрыве переговоров польские комиссары сообщили Ховербеку, добавляя, что курфюрсту нет необходимости снаряжать свое посольство. По информации бранденбургского дипломата, московский посланник в Варшаве (А.И. Нестеров) заверял в возможности возобновления переговоров. Неясно, вступал ли Ховербек лично с ним в контакт (что, впрочем, сомнительно) или передавал слова польских контрагентов. Несмотря на сомнения многих в Варшаве в возможности вновь завязать мирные переговоры с Москвой, Ховербек не исключал такой вероятности³¹.

Дипломат продолжал следить за развитием русско-польских отношений, прежде всего за ходом военных действий, но до осени 1662 г., когда он вернулся в Пруссию, мирные переговоры так и не успели возобновиться. Следующая попытка русско-польского урегулирования, переговоры великого и полномочного посольства А.Л. Ордина-Нащокина во Львове весной 1663 г., прошла в отсутствие в Польше бранден-

²⁹ Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 314.

³⁰ GStA PK. I. HA Geheimer Rat, Rep. 11 Auswärtige Beziehungen, Akten. № 6550. Fol. 16–20v.; изложено в: *Hirsch F.* Einleitung... S. 249–250.

³¹ Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 321 (Ховербек — курфюрсту, 10 марта 1662 г.), 335 (то же, 31 марта); *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 r. i jego geneza... S. 112–114.

бургских представителей, что отрезало возможность предусмотренного его наказом привлечения курфюрста и Б. Радзивилла к переговорам³². Знаменательно при этом, что российский дипломат поднимал на своих переговорах тему польско-бранденбургских отношений: представляя своим контрагентам выгоды предлагаемого им союза Речи Посполитой с Россией, он назвал среди прочего отказ курфюрста от притязаний на Эльбинг³³. Это показывает, что в России не просто продолжали учитывать политику Бранденбурга в своих расчетах, но и были осведомлены о трениях между Фридрихом-Вильгельмом и республикой.

Бранденбургско-польские переговоры вновь завязались лишь в августе 1663 г., когда курфюрст, подавив оппозицию и достигнув компромисса с прусскими сословиями, стал добиваться предусмотренного договором участия польских комиссаров в принесении ему жителями герцогства присяги³⁴. На этих переговорах, проходивших в условиях, когда король, его ближайшие советники и высшие должностные лица республики находились в масштабном походе на Левобережную Украину и Россию, вопрос о каком-либо участии Бранденбурга в русско-польском урегулировании не поднимался; предпринимались вялые попытки получить от курфюрста вспомогательный контингент, но общим настроением была надежда на скорое заключение мира в результате успешной кампании³⁵. Неудача похода и крушение этой надежды случились уже после принесения присяги в октябре, когда в польско-бранденбургских официальных контактах наступил новый перерыв.

Первоначально сопутствовавшие походу Яна-Казимира успехи, а также возвращение Ордина-Нащокина с известием о неудаче своих мирных предложений побудили московское правительство среди прочих шагов обратиться к курфюрсту. С обширной грамотой (датирована 16 декабря 1663 г.) к нему должен был отправиться рейтарский полуполковник Вилим Кармихель. По-видимому, грамота должна была выполнять пропагандистскую функцию, раскрывая миролюбивые настроения царя и его попытки заключить справедливый мир с Польшей и, напротив, гордость поляков и их предпочтение христианскому миру союза с мусульманами. Хотя, как справедливо отмечает Б.Н. Флоря, от курфюрста не ждали существенного содействия и не обращали к нему конкретных просьб об этом, царь все же

³² Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 92.

³³ *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski... S. 127–128.

³⁴ *Kamieński A.* Stany Prus Książęcych wobec rządów Brandenburgii w drugiej połowie XVII wieku. Olsztyn, 1995. S. 97–99; *Idem.* Polska a Brandenburgia-Prusy... S. 60–64; *Pagès G.* Le grand électeur et Louis XIV... P. 89–94.

³⁵ *Urkunden und Actenstücke...* Bd. 9. S. 415, 418, 429, 443.

настойчиво приглашал его к более тесному контакту, сообщая, что его посланников и гонцов будут ждать во Пскове³⁶, что было логично, ибо, в отличие от русских дипломатов, их должны были пропустить по кратчайшему пути через земли Речи Посполитой. Очевидно, не зная о планах Фридриха-Вильгельма, царь воздерживался от того, чтобы предлагать тому какие-либо конкретные шаги, но при этом недвусмысленно давал понять, что в подобных шагах с его стороны Россия сильно заинтересована.

В. Кармихель не доехал до Пруссии. Судьба его нам не известна, но грамота, которую он должен был доставить, оказалась в руках литовцев. Только в конце 1664 г. курфюрст узнал о ее существовании, а ее содержание было в общих чертах изложено Ховербеку лишь в марте 1665 г. литовским канцлером К. Пацем³⁷.

Не зная о грамоте Алексея Михайловича, курфюрст все же, как и в 1662 г., изъявлял желание иметь своего представителя на русско-польском съезде, собравшемся в июне 1664 г. в Дуровичах³⁸. Судя по тому, что верительные грамоты и инструкция ему были составлены только 18 и 19 июля, когда переговоры уже находились в полном разгаре, приглашения на конгресс, на которое он мог рассчитывать по Велавскому миру, курфюрст не получал, а реагировал на пришедшие известия. Уполномоченный должен был, как и ранее Борнштедт, добиваться включения курфюрста в мирный договор и следить за соответствием его условий интересам его государства. Посланником на съезд курфюрст назначил своего гофрата Яна Меженского, клиента, доверенное лицо и близкого советника Б. Радзивилла, который в то же время имел в Великом княжестве Литовском достоинство маршалка вилькомирского³⁹. Именно последнее обстоятельство оказалось препятствием для его кандидатуры: согласно представлению Радзивилла, комиссары Речи Посполитой едва ли допустили бы на переговоры литовского шляхтича в качестве представителя чужеземного potentата; в итоге посылка не состоялась.

Тем не менее инструкция послам на сейм 1664 г. показывает, что программа курфюрста оставалась прежней. Послы должны были постараться при благоприятных обстоятельствах ускорить заключение трактата с Россией, а если заметят, что посредничество курфюрста может

³⁶ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 92; РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1663 г. № 1. Л. 14.

³⁷ Urkunden und Actenstücke... Berlin, 1892. Bd. 12. S. 243, 269.

³⁸ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 57 и далее.

³⁹ GStA PK. I. HA Geheimer Rat, Rep. 11 Auswärtige Beziehungen, Akten. № 6552. Листы не нумерованы; Hirsch F. Einleitung... S. 250–251; о Меженском см.: Rachuba A. Konfederacje wojska litewskiego 1655–1663. Zabrze, 2010. S. 54, 196.

быть принято, официально предложить его. Следовало во всяком случае стремиться к включению курфюрста в мирный договор⁴⁰.

В то же время российские политики продолжали поиски урегулирования с Речью Посполитой при помощи посредников. С этой целью в феврале 1665 г. в Австрию, Данию и Бранденбург был направлен иноземец Петр Марселлис, миссию которого подробно, насколько позволяет скудость сохранившихся источников, изучил Б.Н. Флоря. Он показал, что Марселлис должен был просить Фридриха-Вильгельма не собственно о посредничестве, а лишь о содействии мирным переговорам, на что тот ответил согласием; впрочем, реальной пользы это не принесло ввиду напряженных отношений курфюрста с польским двором во время рокоша Е. Любомирского⁴¹. Обращает на себя внимание предписанное дипломату обращение и к Б. Радзивиллу, которого также следовало призывать к поддержке мирного курса в республике⁴². Здесь, как и ранее в 1658 и 1662 гг., правительство Алексея Михайловича предполагало возможность совместного действия этих двух влиятельных в Речи Посполитой протестантских фигур в направлении, выгодном России.

В мае 1665 г. в Пскове напрасно ожидали приезда бранденбургского посла, на что, вероятно, давало надежду неизвестное донесение Марселлиса Ордину-Нащокину⁴³. Нет сведений и о какой бы то ни было заинтересованности курфюрста в участии в съезде в Андрусове в 1666 г. Видимо, это связано с гораздо большей актуальностью для него конфликта между Любомирским и двором. Нельзя исключать, что свою роль сыграла и вовлеченность курфюрста в войну между епископом мюнстерским и Нидерландами, потребовавшая его присутствия на Рейне.

Как мы видели, основным мотивом российской политики для обращения к Бранденбургу было желание найти силы, которые могли бы способствовать смягчению позиции Речи Посполитой, по меньшей мере до середины 1665 г. твердо стоявшей на возвращении к довоенным границам. С этой целью царь несколько раз пытался связаться с курфюрстом, рассчитывая не только и не столько на его формальное посредничество, сколько на его контакты в правящих кругах республики и, по-видимому, авторитет в среде польских и литовских протестантов.

Для Бранденбурга лейтмотивом его политики стало желание укрепить международные гарантии своих соглашений с Польшей

⁴⁰ Urkunden und Actenstücke... Berlin, 1892. Bd. 12. S. 242 (12 декабря 1664 г.).

⁴¹ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 96–100.

⁴² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. СПб., 1856. Т. 4. Стб. 540.

⁴³ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1665 г. № 2. Л. 2.

путем их включения в русско-польский договор; сравним это с тем, как настойчиво Фридрих-Вильгельм добивался от Франции гарантии на условие о передаче ему Эльбинга. Не меньший, если не больший интерес курфюрста состоял в том, чтобы ликвидировать возможность военных действий вблизи своих границ и восстановить полноценную торговлю Пруссии с ВКЛ, чего можно было достигнуть лишь миром России и Польши. При этом серьезные трения, возникшие в 1660-е г. между польским правительством и курфюрстом, не привели к сближению последнего с Россией. Объективно имея почву для сотрудничества, Россия и Бранденбург еще не достигли такого уровня взаимопонимания и такой традиции совместных действий, которая могла бы позволить им проводить координированную политику. Курфюрст еще не добился такого уровня консолидации своих разрозненных владений и не настолько укрепил центральный контроль над ними, чтобы в условиях, когда сословия отдельных земель сохраняли возможности оказывать его политике сильное противодействие, рисковать не просто конфликтом, но даже серьезным ухудшением отношений с Речью Посполитой, ближайшим и наиболее могущественным соседом, располагавшим, несмотря на отсутствие внутреннего единства и трудности с их мобилизацией, огромными военными и экономическими резервами. Для России же трудность заключалась в том, что в условиях войны польско-литовские силы перерезали наиболее удобные пути коммуникации с владениями курфюрста и царскому правительству приходилось полагаться на инициативу курфюрста в поддержке контактов с ним.

Подводя итог, можно назвать следующие основные причины слабости русско-бранденбургского контакта на последнем этапе русско-польской войны: отступление русских войск из западной части ВКЛ и от границ Пруссии; противодействие контактам руководителей польской политики и их нацеленность на военный путь решения противоречий с Россией; выход для курфюрста на первый план других вопросов, никак не связанных с русско-польскими отношениями; соображения экономии и нехватка средств на такие дорогостоящие мероприятия, как посольства.

Список сокращений

ВКЛ — Великое княжество Литовское

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

GStA PK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin-Dahlem)